

САЙМОН БЕКЕТТ

**САЙМОН
БЕКЕТТ**

**УВЕКОВЕЧЕНО
КОСТЯМИ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Б42

Серия «Эксклюзив: лучшие детективы»

Simon Beckett
WRITTEN IN BONE

Перевод с английского А. Пичужкиной

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Бекетт, Саймон.

Б42 Увековечено костями : [роман] / Саймон Бекетт ; [перевод с английского А. Пичужкиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Эксклюзив: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-133840-4

...Разыгравшийся шторм отрезал от мира остров у побережья Шотландии. Остров, на который пришла смерть.

Кому принадлежит изуродованное и обгоревшее до полной неузнаваемости тело, случайно обнаруженное отставным детективом Броуди в заброшенном коттедже?

Кто и почему совершил это жуткое убийство — и позаботился о том, чтобы никто и никогда не смог опознать останки?

Связано ли это убийство с гибелью еще двух человек, жизнь которых унес весьма подозрительный пожар? За дело берется опытный судмедэксперт Дэвид Хангер, приехавший на остров в отпуск.

Вместе с Броуди он начинает расследование, а убийца уже замышляет новое преступление...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Simon Beckett, 2007

© Перевод. А. Пичужкина, 2018

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-133840-4

Посвящается Хилари

1

При определенной температуре горит что угодно: дерево, одежда... люди.

При двухстах пятидесяти градусах Цельсия воспламеняется плоть. Кожа чернеет и трескается. Начинает плавиться подкожный жир, как на сковороде. От него загорается тело. Первыми схватываются руки и ноги, сухожилия и мышечные волокна сокращаются, и пылающие конечности двигаются в пошлой пародии на жизнь. Последними сдаются внутренние органы. В коконе влаги, они не уступают, пока огонь не поглотит все мягкие ткани.

Однако кость — субстанция иная. Кость упрямо сопротивляется. Даже когда выгорит весь углерод, кость сохранит свою форму. Бестелесный призрак ее готов рассыпаться, чтобы последний бастион жизни превратился в пепел. Этот процесс, с незначительными отклонениями, всегда протекает в одной и той же последовательности.

Но в каждом правиле есть свои исключения.

Спокойствие старого коттеджа нарушил футбольный мяч. Гниющая дверь распахнулась от удара, ржавые петли недовольно скрипнули. Комнату залил дневной свет, в проеме возник силуэт. Человек пригнул голову, вглядыва-

Саймон Бекетт

ясь в темноту. Его старая собака замерла в нерешительности, чуя недоброе. Человек тоже остановился, будто не хотел переступить через порог. Когда собака преодолела страх и шмыгнула внутрь, он позвал ее обратно:

— Ко мне.

Послушная собака вернулась и тревожно посмотрела на хозяина подслеповатыми глазами. Помимо запаха из коттеджа, она чувствовала его беспокойство.

— Сидеть.

Собака осталась наблюдать, как человек пробирается по заброшенному дому; сквозь сырость пробивался подозрительный запах. Медленно, нехотя человек направился к низкой двери у дальней стены. Поднес руку и застыл. Сзади заскулила собака. Но он не слышал. Осторожно открыл дверь, будто боялся того, что может предстать его взору.

Однако поначалу он не увидел ничего. В комнате царил полумрак, свет поступал лишь через окошко с треснутым стеклом, покрытым налетом многолетней грязи. При скупом освещении комната хранила свой секрет еще пару секунд. Затем глаза привыкли, стали прорисовываться детали.

И человек увидел, что лежит на полу.

Легкие схватили воздух, словно от неожиданного удара, и он невольно попятился.

— О господи...

В ограниченном пространстве тихий голос прозвучал неестественно громко. Человек побледнел. Огляделся, будто здесь мог оказаться кто-то еще. Никого.

Затем сделал шаг назад, не сводя глаз с того, что лежало на полу. Только захлопнув со скрипом дверь, повернулся спиной.

Шаткой походкой он пошел прочь от коттеджа. Старая собака приветственно залаяла, но хозяин проигнорировал

ее, ища в кармане пачку сигарет. Руки дрожали, и зажигалка сработала только с третьего раза. Он глубоко затянулся, табачные огоньки побежали к фильтру. Дрожь утихла.

Человек бросил окурок в траву, затушил, затем нагнулся и поднял. Засунул в карман, тяжело вздохнул и отправился к телефону-автомату.

Когда раздался звонок, я ехал в аэропорт Глазго. Было скверное февральское утро с серым, затянутым небом, холодный ветер бил в лицо мерзкой изморосью. Восточное побережье одолевали грозы, и хотя они не далеко ушли от берега, ничего хорошего не предвещали.

Я надеялся лишь, что непогода повременит, пока я сяду в самолет. Я возвращался в Лондон после недели работы: обследовал тело на месте его последнего пристанища в покрытых вереском Грампианских горах. Неблагодарное дело. Кристаллический иней превратил вершины в железо, и от холода захватывало дух не меньше, чем от красоты. Изуродованный труп принадлежал молодой женщине. За последний месяц мне поручили уже второе тело. От прессы скрывали, но никто из следственной команды не сомневался — это дело рук одного человека. И он продолжит убивать, если его не поймают, а надежды на это мало. При такой степени разложения трудно сказать что-то наверняка, и все же я был убежден, что увечья, как это ни ужасно, наносились еще живому человеку.

В общем, командировка была изнуряющая, и я с терпением ожидал возвращения домой. Последние полтора года я жил в Лондоне и работал на факультете судебной медицины. Временный контракт давал мне доступ к лаборатории, хотя трудиться приходилось чаще на местности, чем в кабинете. Я сказал Дженни, своей подружке, что

Саймон Бекетт

после командировки стану уделять ей больше времени. Уже не первый раз я давал это обещание, однако теперь твердо намеревался его выполнить.

Когда раздался звонок, я подумал, это она — звонит убедиться, что я лечу домой. Но номер определился незнакомый. Из трубки раздался хриплый деловой голос:

— Извините за беспокойство, доктор Хантер. Я детектив Грэхем Уоллес из северной штаб-квартиры Инвернесса. Вы не могли бы уделить мне пару минут?

У него был тон человека, привыкшего добиваться своего, и акцент скорее уж жителя Глазго, чем Инвернесса с их мягкой модуляцией.

— Только пару. У меня скоро вылет.

— Знаю. Я только что говорил с Аланом Кэмпбеллом из грампианской полиции, и он сказал мне, обследование закончено. Хорошо, что вы еще не улетели.

Главный следователь Кэмпбелл курировал меня. Приличный человек и достойный полицейский, он полностью погружался в работу, чем вызывал у меня уважение.

Я взглянул на водителя такси: лишние уши.

— Чем могу быть полезен?

— Сделайте мне одолжение. — Уоллес глотал звуки, будто его слова стоят дороже, чем ему за них платят. — Вы слышали про крушение поезда сегодня утром?

Конечно. Перед выходом из отеля я смотрел новости: на западном побережье пригородный поезд сошел с рельсов, врезавшись в грузовик, оставленный на путях. Судя по репортажу, катастрофа масштабная, вагоны лежат покореженные. Пока неизвестно, сколько людей пострадало.

— Мы отправили туда все силы, царит сущий хаос, — продолжил Уоллес. — Есть вероятность, что это диверсия, поэтому вся местность оцеплена. Обещали прислать помощь, но пока людей не хватает.

Все ясно. В новостях сообщили, что некоторые вагоны загорелись, значит, потребуется опознание жертв, и это превратится в судебно-медицинский кошмар. Однако сначала придется вытащить тела, но пока об этом думать рано.

— Сомневаюсь, что смогу быть полезен в данный момент, — сказал я.

— Я звоню не из-за аварии, — нетерпеливо заявил он. — Нам доложили об обгоревшем трупe на Гебридских островах. На маленьком отдаленном островке Руна.

Никогда о таком не слышал, что неудивительно. Все, что я знал о внешних островах, — они образуют крайние точки Великобритании, за несколько миль от северо-западного побережья Шотландии.

— Есть подозрения? — спросил я.

— Не похоже. Вероятно, самоубийство, а может, пьяница или бродяга заснул у костра. Мужчина выгуливал собаку и обнаружил труп на заброшенной ферме. Сам он детектив, инспектор полиции на пенсии, живет поблизости. Мы работали вместе. Раньше был хорошим человеком.

Интересно, что значит «раньше»?

— Что он сказал?

Уоллес не сразу ответил.

— Тело сильно обгорело. Однако мне не хочется перебрасывать своих людей с места катастрофы, если в том нет необходимости. Пара местных ребят из Сторноуэя собираются сегодня переправиться на пароме. Вы не могли бы поехать с ними и взглянуть на труп? Несчастный ли это случай, или надо высылать следственную команду. Хотелось бы узнать мнение эксперта, перед тем как бить тревогу, а Алан Кэмпбелл считает вас превосходным специалистом.

Попытка прибегнуть к лести никак не вязалась с его строгим тоном. Не прошла незамеченной и заминка после

Саймон Бекетт

вопроса о трупe. Неужели он что-то недоговаривает? Но если бы смерть показалась Уоллесу странной, он послал бы следственную бригаду независимо от катастрофы.

Такси уже подъезжало к аэропорту. У меня было полно причин отказать. Я только что закончил работу по крупному расследованию, а эта трагедия слишком банальна: такое даже не попадает в газеты. Представил, как скажу Дженни, что сегодня не вернусь. Учитывая, сколько времени я пропадаю, она не очень обрадуется.

Уоллес, видимо, почувствовал мое нежелание.

— Дело займет всего пару дней, включая дорогу. Проблема в том, что, похоже, там нечто... странное. Не хочу преувеличивать, но необходимо, чтобы взглянул эксперт, такой, как вы.

Ненавижу, когда мной манипулируют. И все-таки ему удалось пробудить во мне любопытство.

— Я бы не стал вас просить, если б не крайняя нехватка людей, — добавил Уоллес, закрутив винт еще на поворот.

Через покрытое дождевыми разводами окно такси я увидел дорожный знак, указывающий на аэропорт.

— Я перезвоню вам. Дайте мне пять минут.

Уоллесу это не понравилось, однако возражать он не мог. Я прикусил губу, набирая номер, который знал наизусть.

В трубке раздался голос Дженни. Я невольно улыбнулся, хоть и боялся предстоящего разговора.

— Дэвид! Я только приехала на работу. Ты где?

— Направляюсь в аэропорт.

Она рассмеялась:

— Слава богу! Я уже подумала, ты звонишь сказать, что сегодня не вернешься.

У меня сжалось сердце.

Увековечено костями

— Я за этим и звоню. Меня только что попросили выполнить еще одно задание.

— О!

— Всего на день-два. На Гебридских островах. Больше некому. — Я едва не начал рассказывать о катастрофе, но хватит оправданий.

Повисла пауза. Я огорчился, что из голоса Дженни исчезли смех и веселость.

— И что ты ответил?

— Что перезвоню. Хотел сначала посоветоваться с тобой.

— Зачем? Нам обоим ясно, что ты уже принял решение. Только ссоры мне не хватало. Я снова взглянул на водителя.

— Дженни, послушай...

— Или не так?

Я замялся.

— Я так и думала.

— Дженни...

— Мне надо идти. Опоздаю на работу.

Она повесила трубку. Я вздохнул. Не так я планировал начать это утро. *Так позвони ей и скажи, что отказался от предложения.* Палец завис над кнопками.

— Не волнуйся, дружище. Моя жена тоже любит покапризничать, — сказал водитель через плечо. — Переживет, так ведь?

Я кивнул. Вдалеке взлетал самолет. Водитель начал поворачивать, я набирал номер. Трубку взяли тотчас.

— Как туда добираться? — спросил я Уоллеса.

2

Большую часть дня я провожу с мертвыми. Порой с давно мертвыми. Я судебный антрополог. Это профессия и факт жизни, с которым большинство людей предпочитают не сталкиваться, пока не придется. Некоторое время я сам был таким. Когда мои жена с дочерью погибли в автокатастрофе, работа каждый день напоминала мне об утрате. Поэтому я стал терапевтом, доктором медицины, который посвящает себя живым, а не мертвым.

Однако произошли события, заставившие меня вернуться к прежнему ремеслу. Призванию, так сказать. Отчасти патология, отчасти археология. То, чем я занимаюсь, выходит за пределы обеих дисциплин. Даже после уничтожения, когда организм сгнил и разложился, оставив сухие кости, он по-прежнему может много рассказать. Хоть целую историю, если понимать его язык. Этим я и занимаюсь.

Упрашиваю мертвых исповедаться.

Уоллес был уверен, что я не откажу ему. Мне уже забронировали место в самолете на Льюис — главный остров из внешних Гебридских. Рейс задержали почти на час из-за плохой погоды, поэтому я сидел в зале ожидания, стараясь не слушать, как несколько раз объявляли рейс в Лондон и огласили завершение посадки, а затем он исчез с табло.

Наш самолет то и дело падал в воздушные ямы, но, к счастью, полет длился недолго. Полдня уже прошло, когда я поймал такси из аэропорта к причалу паромной переправы в Сторноуэе, мрачном городке, который полностью зависит от рыботорговли. Пристань, где меня высадили, была сырой и холодной, с привычной для таких мест духотой из-за смешения запахов дизеля и рыбы. Я ожидал, что сяду на один из больших паромов, которые выбрасывали дым в дождливое небо над серым заливом, а оказалось, для меня подобрали маленькое рыбацкое судно, не предназначенное для перевозки людей. Лишь наличие полицейского «рейнджровера», занимавшего полпалубы, подтверждало, что я не ошибся.

Посадочный трап качался, вызывая тошноту одним видом. На бетонной пристани стоял сержант в форме, засунув руки в карманы куртки. Щеки и нос залились несходящей краской от полопавшихся капилляров, под глазами мешки. Он злобно оглядел меня, пока я выгружал сумку и ручную кладь.

— Мистер Хантер? Я сержант Фрейзер, — мрачно сообщил он. Имя не упомянул и руки не пожал. Он грассировал в нос, не как шотландцы на основной части суши. — Мы вас давно ждем.

С этими словами он поднялся по трапу, не предложив помочь мне с багажом. Я перекинул сумку через плечо, поднял алюминиевый кейс и последовал за ним. Трап был мокрый и скользкий, он хаотично приподнимался и опускался с ударами волн. Я едва не упал, приноравливая шаги к неритмичным колебаниям. Затем кто-то подбежал сзади на помощь. Молодой полицейский широко улыбнулся, забирая у меня кейс.

— Позвольте мне.

Я не стал возражать. Он пошел в «рейнджровер», привязанный к палубе, и поместил кейс в багажник.